

РАЗВЕДКОРПУС

Бен Макинтайр

ШПИОН И ПРЕДАТЕЛЬ

Самая громкая
шпионская история
времен холодной войны

CoRpus

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

КНИГА ГОДА ПО ВЕРСИИ THE ECONOMIST

Разведкорпус

Бен Макинтайр

**Шпион и предатель. Самая
громкая шпионская история
времен холодной войны**

«Corpus (АСТ)»

2018

УДК 327.8:929
ББК 67.301

Макинтайр Б.

Шпион и предатель. Самая громкая шпионская история
времен холодной войны / Б. Макинтайр — «Corpus (АСТ)»,
2018 — (Разведкорпус)

ISBN 978-5-17-132694-4

Олег Гордиевский казался идеальным продуктом системы — его отец работал в НКВД, брат стал нелегалом-разведчиком КГБ, сам он окончил элитарный МГИМО, поступил на службу в Первое главное управление, получил звание полковника КГБ. Однако больше десяти лет он работал на МИ-6 и стал одним из ключевых агентов британской разведки, сыгравшим немалую роль в истории холодной войны. По его словам, делал он это исключительно из идейных соображений. В книге “Шпион и предатель”, основанной в числе прочего на интервью с Гордиевским, британский писатель и историк Бен Макинтайр пытается разобраться, что заставило этого человека, столь глубоко укорененного в системе, восстать против нее.

УДК 327.8:929
ББК 67.301

ISBN 978-5-17-132694-4

© Макинтайр Б., 2018
© Corpus (АСТ), 2018

Содержание

Введение	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Бен Макинтайр Шпион и предатель. Самая громкая шпионская история времен холодной войны

Ben MacIntyre

The Spy and the Traitor. The Greatest Espionage Story of the Cold War

© Ben Macintyre, 2018

© Т. Азаркович, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Издательство CORPUS ®

Памяти Джоанны Макинтайр (1934–2015)

*«У него были две жизни: одна явная, которую видели и знали все,
кому это нужно было <...>, и другая – протекавшая тайно».*

Антон Чехов. Дама с собачкой

Введение

18 мая 1985 года

Для сотрудников управления контрразведки КГБ – Управления «К» – это была самая обычная работа по установке «жучков».

Меньше минуты ушло у них на то, чтобы открыть замки на входной двери квартиры на восьмом этаже жилого дома для сотрудников КГБ и их семей по адресу Ленинский проспект, 103. Пока двое в перчатках и комбинезонах проводили методичный обыск квартиры, два техника быстро и незаметно опутывали помещения проводами, внедряли прослушивающие устройства под обои и плинтусы, вживляли включенные микрофоны в телефонную трубку, а видеокамеры – в светильники в гостиной, спальне и кухне. Примерно через час, когда они закончили работу, в квартире не осталось буквально ни одного уголка, где бы у КГБ не выросли глаза и уши. Наконец, эти люди надели маски и распылили на одежду и обувь в шкафу радиоактивную пыль – в достаточно низкой концентрации, чтобы не произошло отравления, однако в такой дозе, чтобы кагэбэшные счетчики Гейгера могли проследить за передвижениями человека, который наденет эту одежду или обувь. Уходя, чужаки аккуратно заперли за собой входную дверь.

Несколько часов спустя рейсом «Аэрофлота» из Лондона в московский аэропорт прибыл старший сотрудник русской разведки.

Карьера полковника КГБ Олега Антоновича Гордиевского переживала расцвет. Виртуоз советской разведслужбы, он неустанно поднимался по карьерной лестнице, успел послужить в Скандинавии, Москве и Британии, и упрекнуть его было практически не в чем. Теперь, в сорок шесть лет, он сделался исполняющим обязанности главы лондонской резидентуры. Это было лакомое назначение, и Гордиевского пригласили в Москву, чтобы его официально ввел в должность председатель КГБ. Профессиональный разведчик Гордиевский имел все данные для того, чтобы подняться в самые высшие эшелоны этой обширной и беспощадной секретной организации, которая контролировала весь Советский Союз.

Приземистый, атлетически сложенный кагэбэшник уверенным шагом шел сквозь толпу в зале аэропорта. Но внутри него тихо клокотал ужас. Потому что Олег Гордиевский, ветеран КГБ, верный сотрудник советский разведки, был британским шпионом.

Завербованный больше десяти лет назад МИ-6 – британской секретной службой внешней разведки, – агент под кодовым именем Ноктон оказался одним из самых ценных шпионов в истории. Огромное количество информации, которой он снабжал своих британских кураторов, помогло изменить ход холодной войны, взломать советские шпионские сети, предотвратить ядерную войну, а еще в чрезвычайно опасный для мировой политики период предоставило Западу уникальную возможность проникнуть в мыслительные процессы, происходившие в Кремле. И Рональду Рейгану, и Маргарет Тэтчер докладывали об исключительно ценных секретных данных, источником которых был русский шпион, но ни американский президент, ни премьер-министр Великобритании не знали его подлинного имени и должности. О двойной жизни Гордиевского не подозревала даже его молодая жена.

Назначение Гордиевского *резидентом* (так по-русски на профессиональном жаргоне называли главу заграничного органа внешней разведки – *резидентуры*) вызвало ликование в тесном кругу сотрудников МИ-6, посвященных в подробности дела. Еще бы: ведь теперь Гордиевский, сделавшись самым высокопоставленным оперативником советской разведки в Британии, получит доступ к самым потаенным шпионским секретам СССР и сможет инфор-

мировать Запад о намерениях КГБ еще до того, как тот воплотит их в жизнь. Таким образом, деятельность КГБ в Британии удастся парализовать. И все же внезапный вызов в Москву несколько встревожил команду Ноктона. Кое-кому показалось, что это ловушка. На явочной квартире в Лондоне была спешно устроена встреча, и кураторы из МИ-6 предложили Гордиевскому дезертировать – и остаться в Британии вместе с семьей. Все, кто присутствовал на том собрании, понимали, насколько высоки ставки: если Гордиевский вернется в Лондон официальным резидентом КГБ, тогда, конечно, и МИ-6, и ЦРУ, и их западные союзники сорвут огромный куш, но если Гордиевский угодит сейчас в западню, то лишится всего – и жизни тоже. Он долго и напряженно думал, а потом решил: «Я поеду».

Тогда сотрудники МИ-6 снова обратились к плану аварийного спасения Гордиевского, носившему кодовое название «Пимлико» и разработанному семью годами раньше, – в надежде, что выполнять его никогда не придется. МИ-6 еще никогда никого не выводила тайком из СССР – а тут речь шла не о простом перебежчике, а о видном кагэбэшнике! План эксфильтрации, тщательно продуманный и сопряженный с большим риском, предполагалось задействовать лишь в самом крайнем случае.

Гордиевский прошел такую выучку, что способен был сразу заметить опасность. Проходя по залу московского аэропорта с напряженными до предела нервами, он видел признаки опасности повсюду. Пограничник, прежде чем пропустить его, томительно долго разглядывал его паспорт. И где же сотрудник, который должен был хотя бы из обычной вежливости встречать его – полковника КГБ, вернувшегося из заграничной командировки? В аэропорту всегда велся усиленный надзор, однако сегодня здесь все буквально кишело невзрачными людьми, явно ничем не занятыми. Гордиевский сел в такси и мысленно сказал себе, что, если бы в КГБ знали правду, его бы арестовали сразу же, как только он ступил на советскую землю, и прямо сейчас везли бы в застенки КГБ, где его ждали бы допросы и пытки, а потом – расстрел.

Насколько он мог заметить, хвоста за ним не было. Доехав до своего дома на Ленинском проспекте, он вошел в лифт и нажал на кнопку восьмого этажа. В последний раз он был в своей московской квартире в январе.

Он легко отпер первый замок в двери, потом – второй. Но входная дверь почему-то не открывалась. Она оказалась заперта на третий замок – старомодный засов, относившийся ко времени постройки старой многоэтажки.

Но Гордиевский никогда не пользовался третьим замком. У него даже ключа от него не было. А значит, в квартире побывал кто-то, вооруженный отмычкой, – и потом по рассеянности запер дверь на все три замка. И этот кто-то приходил из КГБ.

Страхи, пережитые за последнюю неделю, вмиг вернулись. Гордиевского сковал ужас: с леденящей, парализующей ясностью он понял, что в его квартиру проникали чужаки, что ее обыскали и, скорее всего, напичкали подслушивающей аппаратурой. Значит, он под подозрением. Кто-то его выдал. КГБ следит за ним. За ним, шпионом, шпионили его коллеги-шпионы.

Часть первая

Глава 1 КГБ

Олег Гордиевский родился внутри КГБ. КГБ его выпестовал, обласкал, вывихнул, искалечил и едва не уничтожил. Советская разведслужба глубоко вошла в его сердце, была растворена в его крови. Его отец всю жизнь работал на разведку и каждый день, включая выходные, носил кагэбэшную форму. Гордиевские жили среди собратьев-шпионов, в доме, населенном одними кагэбэшниками, ели особую еду, какую выдавали офицерам КГБ, и в свободное от работы время общались тоже с семьями других разведчиков. Словом, Гордиевский был сыном КГБ.

КГБ – Комитет государственной безопасности – был самым сложным и самым разветвленным разведывательным ведомством, какое когда-либо существовало. Прямой наследник созданной Сталиным шпионской сети, он занимался сбором одновременно и внутренних, и внешних разведданных, обеспечивая внутреннюю безопасность и играя роль государственной полиции. Деспотичный, загадочный и вездесущий, КГБ проникал во все измерения советской жизни и контролировал их. Он искоренял несогласие среди граждан страны, охранял руководство коммунистической партии, проводил разведывательные и контрразведывательные операции против враждебных государств и запугивал народы СССР, держа их в унижительно подчиненном положении. Он вербовал агентов и внедрял шпионов по всему миру, добывал, покупал и выкрадывал военные, политические и научные секреты везде и повсюду. В пору своей наивысшей мощи, насчитывая более миллиона сотрудников, агентов и осведомителей, КГБ влиял на советское общество гораздо глубже, чем какие-либо другие учреждения.

Для Запада эта аббревиатура была синонимом внутреннего террора и внешней агрессии и подрывной деятельности, сокращенным наименованием всей жестокости тоталитарной системы, сосредоточенной в руках безликой официальной мафии. Совсем иначе относились к КГБ те, кто жил под его неусыпным присмотром. Конечно, он внушал страх и повиновение, но он вызывал и восхищение – как своего рода преторианская гвардия, как оплот против западного империализма и капиталистической агрессии, как страж коммунизма. Принадлежность к этой элитарной и привилегированной силе была предметом поклонения и гордости. Те, кто поступал служить в органы госбезопасности, оставались там пожизненно. «Бывших сотрудников КГБ не бывает»¹, – сказал однажды бывший сотрудник КГБ Владимир Путин. Это был клуб для избранных, войти в него было очень трудно, а выйти – невозможно. Вступление в ряды КГБ считалось честью и долгом для тех, кто был наделен особыми талантами и честолюбием.

Олег Гордиевский никогда всерьез не задумывался ни о какой другой карьере.

Его отец, Антон Лаврентьевич Гордиевский, сын рабочего-железнодорожника, был учителем, а после 1917 года сделался убежденным коммунистом, беспрекословно преданным идеям революции и готовым непреклонно воплощать их в жизнь. «Партия была для него богом», – напишет о нем позже сын. Старший Гордиевский ни разу не дрогнул в своей верности партийному делу – даже когда партия потребовала от него участия в чудовищных преступлениях. В 1932 году он помогал принудительно «советизировать» Казахстан, организуя экспроприацию у крестьян продовольствия, которое отбирали, чтобы кормить Красную армию

¹ *Бывших сотрудников КГБ не бывает*: Владимир Путин в выступлении перед сотрудниками ФСБ, декабрь 2005 г., <http://www.newsworld.com/chill-moscow-air-113415>.

и советские города. В итоге разразился массовый голод, от которого погибло около полутора миллионов человек. Антон Гордиевский вблизи видел ужасы голодомора, искусственно устроенного государством. В том же году он поступил на службу госбезопасности, а затем в НКВД – Народный комиссариат внутренних дел, тайную полицию Сталина и предтечу КГБ. Как сотрудник политического отдела, он отвечал за политическую дисциплину и идеологический инструктаж. Антон женился на 24-летней Ольге Николаевне Горновой, работавшей статистиком, и супруги вселились в московский многоэтажный дом, отведенный для семей разведывательной элиты. В 1932 году у них родился первенец – Василий. При Сталине Гордиевские благоденствовали.

Когда товарищ Сталин объявил, что революции угрожает смертельная опасность изнутри, Антон Гордиевский оказался готов к борьбе с изменниками родины. Большая чистка 1936–1938 годов обернулась массовым уничтожением «врагов государства» – мнимых представителей «пятой колонны» и тайных троцкистов, террористов и саботажников, шпионов-контрреволюционеров. Это были партийные и правительственные чиновники, крестьяне, евреи, учителя, военачальники, интеллигенты, поляки, красноармейцы и многие другие. Большинство схваченных людей были совершенно невиновны. В созданном Сталиным параноидальном полицейском государстве самым надежным способом уцелеть стало доноительство. «Лучше пусть пострадают десять невинных людей, чем один шпион ускользнет от расплаты², – сказал как-то глава НКВД Николай Ежов. – Лес рубят – щепки летят». Осведомители стукали, истязатели и палачи вершили свое дело, а сибирские лагеря заполнялись до отказа. Но, как бывает после всякой революции, исполнители государственной воли тоже неизбежно попадали под подозрение. Следствия и чистки начались внутри самого НКВД. В разгар террора многоэтажный дом, где жила семья Гордиевских, в течение полугода подвергался обыскам больше десяти раз. Аресты происходили по ночам: первым уводили главу семьи, потом искали остальных.

Вполне возможно, что некоторых из этих «врагов государства» помогал выявлять Антон Гордиевский. «НКВД всегда прав», – говорил он, и это суждение было одновременно и совершенно разумным, и полностью ошибочным.

Второй сын, Олег Антонович Гордиевский, родился 10 октября 1938 года, когда большой террор начинал понемногу утихать и уже нависало предчувствие войны. В глазах друзей и соседей Гордиевские были идеальными советскими гражданами: идейно чистые, преданные партии и государству, а теперь еще и родители двух крепких сыновей. Через семь лет после Олега родилась дочь Марина. Гордиевские были сытыми, привилегированными и надежными людьми.

Но при ближайшем рассмотрении можно было бы заметить и трещинки в фасаде их семейного здания, и наложения обмана, скрытые под гладкой поверхностью. Антон Гордиевский никогда не говорил о том, что он делал в годы массового голода, молчал о чистках и о терроре. Старший Гордиевский был наглядным образцом вида *Homo sovieticus* – покорного слуги государства, сформировавшегося под воздействием коммунистических репрессий. Но где-то в глубине его души засел ужас, и, возможно, его мучило чувство вины. Позднее Олег назовет своего отца «напуганным человеком».

Ольга Гордиевская, мать Олега, была менее податлива. Она никогда не вступала в партию и не верила в непогрешимость НКВД. У ее отца коммунисты отобрали водяную мельницу, ее брата сослали в сибирские лагеря за то, что он ругал колхозы, и многие ее друзья пропали, став жертвами ночных арестов. В ней брал верх врожденный крестьянский здравый смысл, она чутьем понимала непредсказуемость и мстительность государственного террора, но держала рот на замке.

² Лучшие пусть пострадают десять невинных людей: цитируется в: Sebag MONTEFIORE S. *Stalin*.

Олег и Василий, который был старше брата на шесть лет, росли в военное время. Одним из самых ранних воспоминаний Гордиевского стали шеренги оборванных немецких пленных, которых вели по улицам Москвы «под охраной, загнанных, как скотину». Антона подолгу не было дома – он проводил в армейских частях партийно-идеологическую работу.

Олег Гордиевский прилежно овладевал азами коммунистического учения. Он пошел в школу № 130 и рано проявил склонность к истории и языкам. Он знакомился с судьбами героев-коммунистов – и отечественных, и зарубежных. Несмотря на плотную завесу дезинформации, окутывавшую Запад, его очень привлекали чужие страны. В шестилетнем возрасте он начал читать пропагандистский еженедельник *British Ally* – «Британский союзник», который выпускало на русском языке британское посольство, чтобы способствовать взаимопониманию между СССР и Великобританией. В школе Олег учил немецкий язык. Как и полагалось всем подросткам, он вступил в комсомол.

Его отец приносил домой три официальных газеты и сам фонтанировал той коммунистической пропагандой, которая там печаталась. НКВД со временем превратился в КГБ, и Антон Гордиевский продолжал верно служить в переименованном ведомстве. Мать Олега оказывала тихое сопротивление, которое лишь изредка прорывалось наружу короткими желчными замечаниями, бросавшимися в сторону. При советской власти религия оказалась вне закона, и мальчиков воспитывали атеистами, но бабушка со стороны матери умудрилась тайно крестить Василия в Русской православной церкви. Она крестила бы и Олега, если бы ей не помешал Антон, который случайно обо всем узнал и ужаснулся.

Олег Гордиевский рос в сплоченной, любящей семье, проникнутой двуличием. Антон Гордиевский свято чтит партию и провозглашал себя бесстрашным поборником коммунизма, но в душе оставался маленьким и на смерть перепуганным человеком, которому довелось стать свидетелем ужасных событий. Ольга Гордиевская, идеальная жена кагэбешника, скрывала презрение и неприязнь к советскому строю. Бабушка Олега тайно поклонялась незаконному, запрещенному властью Богу. Никто из взрослых в семье не открывал своих истинных чувств – ни друг другу, ни кому-либо еще. В удушливо конформистской атмосфере сталинской России можно было втайне вынашивать инакомыслие, но говорить об этом начистоту было слишком опасно – даже в семейном кругу. с раннего детства Олег видел, что вполне можно вести двойную жизнь – любить своих близких и одновременно скрывать от них свое истинное «я», представляться внешне одним человеком, а внутри оставаться совсем другим.

Олег Гордиевский окончил школу с серебряной медалью. Он был комсомольским вожаком, сведущим, умным, спортивным, не задающим лишних вопросов и ничем не примечательным юношей – типичным продуктом советской системы. Но еще он научился отделять главное от всего остального и раскладывать все по полочкам. Его отец, мать и бабушка были людьми скрытными и умели маскироваться – каждый на свой лад. Юный Гордиевский вырос среди секретов.

В 1953 году умер Сталин. Через три года, на XX съезде партии, его преемник Никита Хрущев разоблачил злодеяния тирана. Для Антона Гордиевского это стало большим ударом. По мнению его сына, официальное осуждение Сталина «в значительной степени подорвало идейные и философские основы его жизни». Гордиевскому-старшему не понравилось, в какую сторону стала меняться Россия. Гордиевский-младший, напротив, перемены оценил.

Хрущевская оттепель оказалась короткой и неполной, и все же в этот период подлинной либерализации произошло ослабление цензуры, вышли на свободу тысячи политзаключенных. От вольного духа того времени закружилась голова у всех русских, кто был молод и полон надежд.

В 17 лет Олег поступил в престижный Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Там, опьяненный новой атмосферой, он вступал со сверстниками в серьезные дискуссии о том, как строить «социализм с человеческим лицом». Порой он

заходил чересчур далеко. Похоже, он глубоко впитал материнский нонконформизм. Однажды он сочинил наивную речь о защите свободы и демократии, хотя едва ли понимал по-настоящему смысл этих слов. Олег записал ее на пленку в лингафонном кабинете и дал послушать нескольким студентам. Те пришли в ужас. «Уничтожь это сейчас же, Олег, и никогда больше не упоминай о таких вещах». Тогда он тоже внезапно испугался и подумал: а вдруг кто-то из однокурсников уже настучал властям о его «радикальных» взглядах? Ведь у КГБ имелись внутри института свои осведомители.

Пределы хрущевского реформаторства были жестко продемонстрированы в 1956 году, когда советские танки въехали в Венгрию, чтобы подавить восстание против местного просоветского режима, вспыхнувшее по всей стране. Несмотря на тотальную советскую цензуру и пропаганду, новости о крахе мятежа просачивались в СССР. «Все тепло куда-то сдуло, – вспоминал потом Олег тогдашнее закручивание гаек. – Опять пришла стужа».

Московский государственный институт международных отношений был самым престижным в СССР высшим учебным заведением – Генри Киссинджер называл его «русским Гарвардом»³. Подчинявшийся Министерству иностранных дел институт был масштабным учебным полигоном для будущих дипломатов, ученых, экономистов, политиков – и шпионов. Гордиевский изучал историю, географию, экономику и международные отношения, причем все это – сквозь искажающую призму коммунистической идеологии. Обучение в институте велось на пятидесяти шести языках – такого не было больше ни в одном университете мира. Владение языками прокладывало верную дорогу в КГБ и сулило зарубежные поездки, которые так манили Олега. Уже хорошо зная немецкий язык, он записался на английский, но группы оказались переполнены. «Учи шведский, – посоветовал ему старший брат, уже служивший в КГБ. – Это ключ от всей Скандинавии». Гордиевский внял его совету.

В институтской библиотеке имелись некоторые иностранные газеты и журналы, которые, пускай и проходили жесткую цензуру, все же позволяли хоть мельком ознакомиться с происходящим в мире. Их-то Гордиевский и начал читать, стараясь делать это незаметно, потому что проявление чрезмерного интереса к Западу само по себе давало повод для подозрений. По ночам он иногда тайком слушал зарубежное вещание *BBC* или «Голос Америки», силясь что-то разобрать за радиопомехами (глушилки были одной из форм советской цензуры), и пытался напасть на «первые слабые следы правды».

Как это свойственно всем людям, в позднейшие годы Гордиевский смотрел на собственное прошлое сквозь призму обретенного опыта, и потому ему представлялось, будто он всегда втайне вынашивал семена неповиновения, будто его судьба была изначально заложена в его характере. Это было не так. В студенческие годы он был убежденным коммунистом и мечтал, по примеру отца и брата, служить Советскому государству в КГБ. Венгерское восстание сильно подействовало на его юношеское воображение, но революционером он от этого не сделался. «Я оставался внутри системы, но разочарование во мне росло». В этом он мало чем отличался от множества тогдашних студентов.

В 19 лет Гордиевский занялся бегом по пересеченной местности. Что-то в этом одиночном виде спорта притягивало его – особый ритм длительных физических усилий, возможность посоревноваться с самим собой вдали от чужих взглядов, испытать пределы собственной выносливости. Олег бывал и общительным, нравился девушкам и сам умел флиртовать. Он был хорош собой: открытое лицо с довольно мягкими чертами, зачесанные назад волосы. В минуты покоя выражение его лица приобретало суровость, но когда в глазах загорался мрачный юмор, все лицо вдруг оживало. с друзьями Олег держался вполне по-компанейски, и все же чувствовалась в нем какая-то скрытность. Он не был одиночкой или нелюдимом, но любил побыть в

³ *русским Гарвардом*: цитируется в: *Encyclopedia of Contemporary Russian Culture* / Ed. by T. Smorodinskaya, K. Evans-Romaine and H. Gosciolo. Abingdon, 2007.

одиночестве. Он редко обнаруживал свои чувства. Одержимый тягой к самосовершенствованию, Олег считал, что бег по пересеченной местности помогает «вырабатывать характер». И бежал часами по московским улицам и паркам – наедине со своими мыслями.

Среди немногих студентов, с которыми он по-настоящему сблизился, был Станислав Каплан, его товарищ по бегу из институтской легкоатлетической команды. Станда Каплан был чехом и уже успел поучиться в Карловом университете в Праге. В МГИМО он приехал в составе группы из нескольких сотен одаренных студентов из социалистического лагеря. Спустя много лет Гордиевский писал про Каплана, что, как и у других молодых людей из стран, лишь недавно впряженных в коммунистическое ярмо, «личность в нем не была задавлена». Станислав был на год старше Олега и учился на военного переводчика. Юношей сблизил общность многих склонностей и идей. «Он свободно мыслил и весьма скептически относился к коммунизму», – писал Гордиевский, которого в те годы способность Каплана открыто высказывать свои мнения и восхищала, и немного настораживала. Станда, смуглый красавец, притягивал женщин, как магнит. Они с Олегом крепко подружились, вместе бежали, вместе ухаживали за девушками и вместе ходили в чешский ресторан недалеко от Парка имени Горького.

Не менее важное влияние оказывал на Олега его обожаемый старший брат Василий, который в ту пору готовился стать нелегалом и примкнуть к огромной рассредоточенной армии негласных агентов нелегальной разведки, каких Советский Союз внедрял по всему миру.

КГБ держал в других странах шпионов двух видов. Первые работали под официальным прикрытием – сотрудниками советских дипломатических или консульских учреждений, культурными или военными атташе, аккредитованными журналистами или торговыми представителями. Дипломатическое прикрытие означало, что этих «легальных» разведчиков нельзя было преследовать за шпионаж, если вдруг их деятельность обнаруживалась. Такого человека можно было только объявить персоной нон грата и выслать из страны. Нелегал же не имел никакого официального статуса, обычно он въезжал в ту страну, куда его заслали, под подложным именем с фальшивыми документами – а затем просто сливался с местной средой. (На Западе для засекреченных оперативников существует аббревиатура *NOC*, расшифровывающаяся как *non-official cover*, «без официального прикрытия».) КГБ внедрял нелегалов по всему миру, где они притворялись самыми обыкновенными гражданами, залегали на дно и втихую вели подрывную деятельность. Как и легальные разведчики, они собирали информацию, вербовали агентов и занимались различными видами шпионажа. Иногда им отводилась роль «спящих» разведчиков – то есть они подолгу сидели без дела, ожидая момента, когда их задействуют. К ним относилась и потенциальная «пятая колонна», готовая вступить в бой, если вдруг разразится война между Востоком и Западом. Нелегалы находились вне поля действия официального радара и потому не получали такого финансирования, которое оставляло бы заметные следы, и ни с кем не общались по надежным дипломатическим каналам. Зато, в отличие от шпионов, аккредитованных при посольствах, они не оставляли таких следов, по которым их могла бы выследить контрразведка противника. При каждом советском посольстве КГБ имел свою постоянную резидентуру, то есть ряд сотрудников КГБ облакался различными официальными личинами, и все они подчинялись резиденту (начальнику резидентуры, как выражались в МИ-6, или руководителю, как предпочитали говорить в ЦРУ). Одна из задач, стоявших перед западной контрразведкой, заключалась в том, чтобы выяснить: кто из советских чиновников – настоящий дипломат, а кто – тайный шпион. Выявлять нелегалов было гораздо труднее.

Первое главное управление (ПГУ) было подразделением КГБ, отвечавшим за внешнюю разведку. Внутри него имелось Управление «С» (от слова «специальное»), занимавшееся подготовкой, отправкой и курированием нелегалов. Василий Гордиевский официально поступил в Управление «С» в 1960 году.

У КГБ имелся свой отдел в МГИМО, и двое его сотрудников постоянно высматривали среди студентов подходящие кандидатуры для вербовки. В разговоре со своим начальством

в Управлении «С» Василий упомянул однажды, что его младшего брата, очень способного к языкам, тоже может заинтересовать подобная работа.

В начале 1961 года Олега Гордиевского пригласили для разговора, а затем перенаправили в здание неподалеку от штаба КГБ на площади Дзержинского ⁴. Там с ним вежливо побеседовала по-немецки женщина средних лет. Она похвалила его за хорошее владение языком. с того дня он и влился в ряды системы. Гордиевский не пытался пробиться в КГБ – это не такой клуб, куда подаются заявки на вступление. Этот клуб сам выбирал своих членов.

Ближе к окончанию учебы в институте Гордиевского отправили в Восточный Берлин на полугодовую стажировку в качестве переводчика при советском посольстве. Уже одна мысль о предстоящей первой поездке за рубеж завораживала Олега, а когда его вызвали в Управление «С» для инструктажа по Восточной Германии, его буквально заколотило от возбуждения. Германская Демократическая Республика, во главе которой стояли коммунисты, была сателлитом СССР, но это отнюдь не избавляло ее от пристального внимания КГБ. Василий уже жил там нелегалом. Олег легко согласился встретиться с братом и выполнить несколько «маленьких поручений» для своего нового, пока неофициального работодателя. Гордиевский прибыл в Восточный Берлин 12 августа 1961 года и поехал в студенческое общежитие, находившееся внутри кагэбэшной зоны в Карлсхорсте, на берлинской окраине.

В предыдущие месяцы поток жителей Восточной Германии, бежавших на Запад через Западный Берлин, обрел характер стихийного бедствия. К 1961 году массовый исход немцев из страны, где утвердился коммунистический режим, достиг пика: количество беглецов насчитывало 3,5 миллиона, что составляло приблизительно 20 процентов от всего населения ГДР.

Проснувшись на следующее утро, Гордиевский обнаружил, что Восточный Берлин наводнен бульдозерами. Правительство ГДР по наущению Москвы перешло к радикальным мерам, чтобы перекрыть поток беглецов: началось возведение Берлинской стены – физического барьера, призванного отрезать Западный Берлин от Восточного и от остальной Восточной Германии. «Антифашистская защитная стена» (как она называлась официально) была в действительности внешней тюремной границей, и власти Восточной Германии строили ее для того, чтобы удерживать внутри собственных граждан. Берлинская стена – эти 240 километров бетона и проводов с бункерами, противотранспортными рвами и ограждениями из провололочной сетки – явилась материальным воплощением «железного занавеса» и стала одним из самых отвратительных сооружений, когда-либо возводившихся руками человека.

Гордиевский, застыв от ужаса, наблюдал за тем, как восточногерманские рабочие разрушали проезжую часть улиц, примыкавших к границе, а солдаты разворачивали мотки колючей проволоки – километры проволоки. Кое-кто из восточных немцев, видя, как единственный путь к побегу быстро перекрывается, совершал отчаянные попытки вырваться на свободу – смельчаки лезли на баррикады и пытались переплыть каналы, которые кое-где служили границей. Военные, выставленные вдоль границы, получили приказ стрелять по каждому, кто попытается бежать с востока на запад. На двадцатидвухлетнего Гордиевского новая стена произвела неизгладимое впечатление: «Один только физический барьер, охраняемый вооруженными пограничниками на дозорных вышках, мог удержать восточных немцев в их социалистическом раю и не дать им сбежать на Запад».

Хотя Гордиевского и потрясло начавшееся в одночасье возведение Берлинской стены, это потрясение не помешало ему неукоснительно выполнять задание, полученное от КГБ. Страх перед властью срабатывал как инстинкт, а привычка повиноваться давно и прочно укоренилась в сознании. Управление «С» назвало ему имя одной немки, бывшей осведомительницы КГБ; задача Гордиевского состояла в том, чтобы повидаться с ней и выяснить, готова ли она и дальше поставлять сведения. Гордиевский раздобыл ее адрес в местном полицейском участке.

⁴ Лубянская площадь с 1926 по 1990 год. (Здесь и далее – прим. пер.)

Женщина средних лет, открывшая ему дверь, нисколько не удивилась неожиданному визиту незнакомого молодого человека с букетом цветов. За чашкой чая она ясно дала ему понять, что готова продолжать сотрудничество с КГБ. Гордиевский сразу же написал свой первый отчет для КГБ. Лишь спустя несколько месяцев до него дошел смысл тогдашнего поручения: «Проверили на самом деле не ее, а меня».

На Рождество он связался с Василием, который жил под подложным именем в Лейпциге. Олег не стал рассказывать Василию, как ужаснуло его строительство Берлинской стены. Старший брат был уже профессиональным кагэбэшником и не одобрил бы подобной идейной шаткости. Как их мать таила подлинные чувства от мужа, так и братья не делились друг с другом секретами: Олег понятия не имел о том, чем в действительности занимается в ГДР Василий, а Василий не догадывался о том, что творится в душе у Олега. Братья сходили на концерт, где исполняли «Рождественскую ораторию», и Олег остался «под сильным впечатлением». По контрасту Россия вдруг показалась ему «духовной пустыней», где можно слушать лишь одобренных властями композиторов, а «классово чуждую» церковную музыку – в том числе Баха – считают упадочной и буржуазной, поэтому она под запретом.

На Гордиевского глубоко повлияли несколько месяцев, проведенные в Восточной Германии: он стал свидетелем масштабного физического и символического разделения Европы на два враждебных идейных лагеря; он вкусил культурных плодов, остававшихся для него запретными в Москве; наконец, он приступил к шпионской деятельности. «Я очень радовался тому, что уже немного познакомился с работой, которая мне, может быть, предстояла, если я когда-нибудь буду работать на КГБ».

На самом деле он уже на него работал.

Когда Гордиевский вернулся в Москву, ему было велено явиться на службу в КГБ 31 июля 1962 года. Почему же он пошел работать в организацию, навязывавшую стране идеологию, которая уже начала вызывать у него неприятие? Работа в КГБ была очень престижна и сулила заграничные командировки. Секретность соблазнительна. К тому же Гордиевский был честолюбив. А КГБ еще мог измениться. Измениться мог и он сам. Измениться могла и Россия. А зарплата и привилегии были весьма заманчивыми.

Ольга Гордиевская пришла в замешательство, когда узнала, что младший сын собрался вслед за отцом и братом поступить на службу в разведку. Она впервые открыто выплеснула злость и на государственный режим, и на аппарат угнетения, который этот режим поддерживал. Олег уточнил, что будет работать не на внутреннюю, а на внешнюю разведку, на Первое главное управление. Это же элитная организация, туда берут интеллектуалов, которые владеют иностранными языками и выполняют сложную работу, требующую особых навыков и хорошего образования. «Это вообще не похоже на КГБ, – убеждал он мать. – Это разведка и дипломатическая работа». Ольга отвернулась и вышла из комнаты. Антон Гордиевский молчал. Олег не заметил в поведении отца никакой гордости. Уже много лет спустя, осознав весь масштаб сталинских репрессий, Гордиевский задумался: быть может, его отец, который в ту пору уже готовился уходить в отставку, «стыдился всех тех преступлений и зверств, которые были на счету энкавэдэшников, и попросту боялся обсуждать работу КГБ с родным сыном». А может быть, Антон Гордиевский держался за свою двойную жизнь, хранил верность КГБ и был слишком напуган, чтобы предостеречь или отговорить сына.

В то последнее лето, когда Гордиевский еще оставался гражданским лицом, он поехал вместе со Стандой Капланом в летний студенческий лагерь на побережье Черного моря. Каплан решил задержаться в СССР еще на месяц, прежде чем возвращаться на родину, где его ждала работа в *StB* (*Statní bezpečnost*) – грозной службе безопасности Чехословакии. Вскоре двум друзьям предстояло сделаться коллегами, союзниками по шпионажу в пользу социалистического содружества. Целый месяц они жили в палатках среди сосен, каждый день бегали, плавали, загорали и разговаривали о женщинах, музыке и политике. Каплан все более критично смотрел

на коммунистическую систему. Гордиевскому льстило, что друг делится с ним такими опасными откровениями: «Между нами было полное взаимопонимание и доверие».

Вскоре после возвращения в Чехословакию Каплан прислал Гордиевскому письмо. Посплетничав о девушках, с которыми он недавно познакомился, и помечтав о том, как здорово они с Олегом проведут время, если тот приедет к нему в гости («Мы опустошим все пивные и винные погреба в Праге»), Каплан обратился к другу с весьма значимой просьбой: «Олег, у тебя случайно нет того номера „Правды“, где напечатали стихотворение Евтушенко о Сталине?» Речь шла о стихотворении Евгения Евтушенко «Наследники Сталина», в котором один из наиболее прямодушных и влиятельных поэтов тех лет обрушивался с откровенными нападками на сталинизм. Поэт обращался с просьбой к правительству – усилить караул у кремлевской стены, «чтоб Сталин не встал» из гроба, и с тревогой говорил о том, что некоторые люди в руководстве страны – «наследники Сталина» – и сейчас «тоскуют о времени старом», об эпохе лживых обвинений и лютого террора против невинных людей. Там были такие строки: «Пусть мне говорят: „Успокойся...“ – спокойным я быть не сумею, / Покуда наследники Сталина живы еще на земле». Когда это стихотворение поместили в официальной газете компартии, оно стало настоящей сенсацией, а потом его перепечатали и в Чехословакии. «У нас некоторые люди отреагировали на него очень бурно, причем с оттенком недовольства», – писал Каплан Гордиевскому. Он писал еще, что хотел бы сравнить чешский перевод с русским подлинником. Но в действительности Каплан посылал своему другу зашифрованный тайный сигнал, который следовало понимать так: он разделяет чувства Евтушенко и, как и поэт, не собирается безучастно мириться с мрачным наследием Сталина.

Краснознаменный институт КГБ, находившийся в гуще лесов километрах в семидесяти от Москвы, носил кодовое название школа № 101. Это звучало ироничной и совершенно непреднамеренной аллюзией на комнату 101 из романа «1984» Джорджа Оруэлла – так там называлась подземная камера пыток, где партия ломала волю заключенных, страшая их тем, чего они боялись больше всего на свете.

В этой школе Гордиевскому вместе с другими ста двадцатью стажерами КГБ предстояло постигать сокровенные тайны советского шпионского ремесла – разведки и контрразведки, вербовки и ведения разведчиков – легальных и нелегальных, агентов и двойных агентов. Еще там знакомились с оружием, овладевали приемами рукопашного боя и методами слежки, осваивали мудреную науку и язык этой странной профессии. Особое внимание уделялось умению заметить слежку и оторваться от нее (на кагэбэшном жаргоне это называлось «проверкой», а по-английски – dry-cleaning, «химчисткой»): по каким признакам понять, что за тобой хвост, и как от него уйти, чтобы этот уход выглядел не преднамеренным, а случайным, потому что объект, который явно «восприимчив к надзору», – скорее всего, обученный оперативник. «Поведение разведчика не должно вызывать подозрение ни у профессиональных, ни у случайных наблюдателей⁵, – внушали стажерам инструкторы КГБ. – Если служба наружного наблюдения отмечает, что иностранец грубо проверяется, у нее появляется стимул работать конспиративнее, изобретательнее и настойчивее».

В любой секретной операции самое важное – это умение вступить в контакт с агентом так, чтобы этого никто не заметил, даже если ведется слежка. В западном шпионском обиходе о сотруднике или агенте разведки, который действует незамеченным, говорят буквально, что он «почернел». Проходя испытание за испытанием, студенты школы КГБ должны были установить контакт с тем или иным лицом в точно указанном месте, передать ему или получить от него информацию, попытаться установить, ведется ли за ними наблюдение, и если

⁵ Поведение разведчика не должно вызывать подозрение; «Попасть на службу в ПГУ»: «Inside the KGB's Intelligence School», [https:// espionagehistoryarchive.com/2015/03/24/the-kgs-intelligence-school/](https://espionagehistoryarchive.com/2015/03/24/the-kgs-intelligence-school/). [Русский текст цитируется по: Шебаршин Л. Рука Москвы. Записки начальника внешней разведки.]

да, то как именно, как бы невзначай оторваться от преследователей и прибыть в назначенное место безупречно «чистыми». Надзор находился в ведении Седьмого управления КГБ. К тренировочным «проверкам» привлекались профессиональные наблюдатели, виртуозно владевшие мастерством уличной слежки за подозреваемым, и к концу каждого дня студент-стажер и команда наружного наблюдения сверяли позиции и делились впечатлениями. «Проверка» была изнурительной состязательной операцией, которая занимала много времени и выматывала нервы. Гордиевский обнаружил, что у него все отлично получается.

Олег научился оставлять в общественных местах условные сигналы (например, можно было начертить что-то мелом на столбе уличного фонаря), которые ничего не говорили случайному постороннему взгляду, но служили тайным знаком другому шпиону о встрече в условленном месте в условленное время; научился технике «моментальной передачи», при которой записка или какой-то предмет незаметно передавался напрямую другому человеку; научился создавать «мертвый почтовый ящик» (шпионский тайник), то есть оставлять в конкретном месте записку или деньги, чтобы потом, без прямого контакта, их забрал оттуда другой человек. Он изучил коды и шифры, опознавательные сигналы, тайнопись, научился делать микрофото-снимки (наряду с обычными) и маскироваться. Кроме того, будущим шпионам преподавали политэкономия и другие идеологические дисциплины, чтобы сцементировать все их знания марксизмом-ленинизмом. По замечанию одного из товарищей Олега по учебе, «эти шаблонные формулы и понятия носили характер ритуальных заклинаний, служили своего рода ежедневным, ежечасным подтверждением верности». Опытные специалисты, уже успевшие послужить за рубежом, читали лекции по западной культуре и этикету, чтобы подготовить новобранцев к правильному пониманию буржуазного капитализма – и к борьбе с ним.

Гордиевский получил свой первый шпионский псевдоним. И советские, и западные разведслужбы применяли один и тот же метод при выборе псевдонима: он должен был напоминать настоящую фамилию, начинаться с той же буквы, потому что если кто-то, обращаясь к шпиону, произнес бы его настоящую фамилию, то другой, знающий его только по шпионскому псевдониму, вполне мог бы решить, что просто ослышался. Гордиевский выбрал псевдоним Гвардейцев.

Как и все остальные студенты, он поклялся в пожизненной верности КГБ: «Обязуюсь защищать мою страну до последней капли крови и хранить государственные тайны». Эту присягу он принес без колебаний. А еще он вступил в партию – это тоже было обязательным условием для допуска в разведсообщество. Возможно, он и колебался (как и многие), но это не помешало ему поступить в КГБ и стать коммунистом с чистосердечными намерениями и искренностью. Кроме того, КГБ притягивал его. Годовой курс обучения в школе № 101 вовсе не обернулся для Олега оруэлловскими кошмарами, а оказался самым приятным периодом его молодости. Это было время волнующих открытий и надежд. Его товарищей по учебе взяли в школу разведчиков за интеллект и идейное послушание, но еще и за тягу к приключениям, которая характерна для всех спецслужб. «Мы выбрали работу в КГБ, потому что она сулила настоящую деятельность». Секретность создает крепкие узы. Даже родители Олега плохо представляли себе, где их сын и чем он занят. «Попасть на службу в ПГУ было предметом затаенных или открытых мечтаний большинства молодых сотрудников госбезопасности, но лишь немногие удостоивались этой чести, – писал позднее Леонид Шебаршин, который учился в школе № 101 приблизительно в ту же пору, что и Олег Гордиевский, а со временем дослужился до должности начальника Первого главного управления КГБ. – Сама специфика работы сплачивала разведчиков в своеобразное товарищество со своими традициями, дисциплиной, условностями, особым профессиональным языком». Летом 1963 года Гордиевского окончательно приняли в кагэбэшное братство. Когда он клялся защищать Родину до последнего вздоха и до последней тайны, он ничуть не кривил душой.

Василий Гордиевский усердно работал на Управление «С» – отдел нелегальной разведки ПГУ. А еще он начал крепко пить – что вовсе не считалось серьезным недостатком, ведь в органах разведки высоко ценили способность поглощать после работы водку в огромных количествах и при этом держаться на ногах. Как специалист по нелегалам, он переезжал с места на место под разными вымышленными именами, служил в подпольной сети, передавал сообщения и деньги другим тайным агентам. Василий никогда не рассказывал младшему брату о своей деятельности, лишь ронял намеки, из которых можно было понять, что ему доводилось бывать в разных экзотических странах: Мозамбике, Вьетнаме, Швеции и ЮАР.

Олег надеялся, что и его вслед за братом отправят в это волнующее зарубежное подполье. Но вместо этого его определили в Управление «С» в Москве, где ему предстояло готовить документы для других нелегалов. 20 августа 1963 года, старательно скрывая разочарование, Гордиевский надел свой лучший костюм и явился на службу в штаб КГБ. Этот комплекс зданий неподалеку от Кремля – полутюрьма-полуархив – был кипучим руководящим центром советской разведки. Сердцем этой единой системы было зловещее здание на Лубянке – дворец в классицистическом стиле с элементами барокко, изначально построенный как доходный дом страхового общества «Россия». В подвалах этого здания находились пыточные камеры КГБ. Сами кагэбэшники называли свой главный корпус Монастырем или просто Центром.

Вместо того чтобы отправиться засекреченным агентом в какие-нибудь заманчивые заграничные края, Гордиевский уныло переключал бумажки и, как «раб на галерах», заполнял бланки. Каждому нелегалу требовалось создать фальшивую личину, которая выглядела бы убедительно, – по сути, вызвать из небытия нового человека с полностью вымышленной биографией и поддельными документами. Каждого такого нелегала полагалось опекать, инструктировать и финансировать, а для этого задействовалась сложная сеть условных сигналов, шпионских тайников и моментальных передач. Особенно перспективной страной для внедрения нелегалов считалась Британия, поскольку там не существовало внутренних паспортов и единой системы гражданской регистрации. К главным мишеням относились и Западная Германия, Америка, Австралия, Канада и Новая Зеландия. Олег, попавший в германский отдел, целыми днями придумывал биографии несуществующим людям. Два года он жил в мире двойных жизней, отправлял за границу новых шпионов с поддельными именами и паспортами и встречал тех, кто оттуда возвращался.

В Центре то и дело появлялись живые призраки – герои советской разведки, уже впавшие в старческое слабоумие. В коридорах Управления «С» Гордиевского познакомили с Кононом Трофимовичем Молодым, известным как Гордон Лонсдейл, – одним из самых успешных в истории разведчиков-нелегалов. В 1943 году КГБ завладел документами умершего канадского ребенка по имени Гордон Арнольд Лонсдейл и передал их Молодому, который вырос в Северной Америке и безупречно говорил по-английски. В 1954 году Молодой-Лонсдейл поселился в Лондоне и, прикидываясь общительным предпринимателем, торговцем музыкальными автоматами и жевательной резинкой, создал так называемое Портлендское шпионское кольцо – сеть завербованных осведомителей, которые занялись сбором секретных данных, связанных с военно-морским флотом. (Перед отъездом из Москвы кагэбэшник дантист просверлил ему в зубах несколько лишних дырок, и потому Молодому достаточно было просто открыть рот и продемонстрировать эти фирменные кагэбэшные полости, чтобы удостоверить свою личность в глазах других советских шпионов.) После слива информации одним кротом из ЦРУ Молодого арестовали и признали виновным в шпионаже, хотя даже в ходе процесса британский суд так и не выяснил его настоящее имя. Молодой вернулся в Москву незадолго до того, как его встретил Гордиевский: его обменяли на британского предпринимателя, арестованного в Москве по обвинению в шпионаже. Не менее легендарной фигурой был Вильям Генрихович Фишер, он же Рудольф Абель, – нелегал, получивший за свою шпионскую деятельность в США

приговор к тридцати двум годам тюремного заключения и обменянный в 1962 году на Гэри Пауэрса – летчика сбитого над территорией СССР самолета U-2.

Но самым знаменитым советским шпионом, находившимся частично в отставке, был британец – двойной агент Ким Филби. Он был завербован НКВД в 1933 году, потом поднимался по служебной лестнице в МИ-6 и поставлял обширные разведданные уже КГБ и, наконец, в январе 1963 года, к глубочайшему и непреходящему замешательству британского правительства, бежал в СССР. Теперь он жил в комфортабельной квартире в Москве, опекаемый кураторами, оставаясь при этом «англичанином до кончиков пальцев»⁶, как выразился один сотрудник КГБ: читал таблицы с результатами крикетных матчей в старых выпусках *The Times*, ел оксфордский мармелад и часто напивался до полнейшего беспамьятства. В КГБ Кима Филби читали как живую легенду, и изредка он продолжал выполнять разные поручения для советской разведки: например, проводил обучающий курс для англоязычных сотрудников, анализировал отдельные дела и даже помогал подбадривать советскую команду хоккеистов.

Как и Молодой и Фишер, Филби читал лекции молодым шпионам, которые слушали как завороченные. Однако их реальная жизнь по окончании настоящей работы на КГБ складывалась как угодно – только не счастливо. Молодой запил и умер при загадочных обстоятельствах, когда собирал грибы в лесу. Фишер глубоко во всем разочаровался. Филби пытался покончить с собой. Все трое впоследствии удостоились особой почести: их портреты растиражировали на советских почтовых марках.

Для всякого, кто присмотрелся бы повнимательнее (а такое желание возникало мало у кого из русских), контраст между окружавшими КГБ мифами и действительностью был совершенно очевиден. Лубянский Центр представлял собой безупречно чистый, ярко освещенный, аморальный бюрократический аппарат, учреждение одновременно беспощадное, чопорное и пуританское, где со скрупулезным вниманием к мелочам замышлялись международные преступления. с первых дней своего существования советская разведка действовала без малейшей оглядки на этические соображения. Помимо сбора и анализа разведданных в ведении КГБ находились политические войны, манипуляция СМИ, дезинформация, подлоги, запугивание, похищения людей и убийства. Тринадцатый отдел КГБ, или Управление особых заданий, специализировался на саботаже и политических убийствах. Гомосексуализм в СССР был вне закона, но гомосексуалов вербовали, чтобы те заманивали иностранцев-геев, которых затем можно было шантажировать. КГБ отличался беззастенчивой беспринципностью. В то же время там царили ханжество, лицемерие и показная мораль. Сотрудникам запрещалось употреблять алкоголь в рабочие часы – хотя в любое другое время многие чудовищно пьянствовали. Во всех отделах КГБ напропалую сплетничали о личной жизни коллег, как и во многих других учреждениях, – с той только разницей, что в Центре скандалы и зубоскальство могли запросто погубить и карьеру, и даже жизнь того, кто становился предметом злословия. КГБ проявлял навязчивый интерес к семейной жизни своих сотрудников, потому что в СССР ничья жизнь не могла оставаться частной. Сотрудникам КГБ полагалось жениться, заводить детей и жить дальше в браке. Такие правила диктовались не только стремлением к полному контролю, но и трезвым расчетом: считалось, что женатый кагэбэшник менее предрасположен к перебежке во время заграничной командировки, поскольку в случае государственной измены его жена и дети окажутся в заложниках.

Проработав в Управлении «С» два года, Гордиевский понял, что ему не светит участь брата: никто не собирался посылать его за границу тайным агентом. Но, возможно, именно из-за Василия самого Олега и не отправляли на нелегальную работу: по логике КГБ, если за границей, тем более в одной стране, окажутся сразу два близких родственника, то у них может возникнуть большой соблазн переметнуться к противнику.

⁶ *англичанином до кончиков пальцев*: Михаил Любимов, цитируется в: Corera G. *М16*.

Гордиевский изнывал от скуки и досады. Работа, от которой он ждал приключений и воодушевления, обернулась смертельной тоской. Страны за «железным занавесом», о которых он читал в западных газетах, оставались мучительно недостижимыми. И тогда Гордиевский решил жениться. «Я хотел как можно скорее попасть за границу, а КГБ никогда не посылал за границу неженатых. Мне нужно было срочно найти себе жену». В идеале требовалась женщина со знанием немецкого – тогда их могли бы отправить в Германию вместе.

Елена Акопян, наполовину армянка, умная, темноволосая и очень острая на язык девушка, училась на преподавателя немецкого языка. Ей был двадцать один год. Олегу некоторое время казалось привлекательным ее виртуозное умение сразить собеседника наповал короткой язвительной репликой. Они познакомились у общего друга. Чувство, которое между ними вспыхнуло, определялось не столько страстью, сколько общими честолюбивыми стремлениями. Как и Олег, Елена жаждала попасть за границу и мечтала вырваться за пределы тесной квартирки, где жила пока что ввосьмером с родителями, братьями и сестрами. У Гордиевского уже было несколько романов с девушками, но они длились недолго и особой радости не принесли. Елена куда больше походила на современную советскую женщину – она была менее скована условностями, чем те студентки, с которыми Олег общался раньше, и обладала непредсказуемым чувством юмора. Она провозглашала себя феминисткой, хотя в 1960-е годы само это понятие в России имело весьма ограниченное употребление. Гордиевский внушил себе, что любит Елену. Как позже объяснял он сам, они решили пожениться, «не потрудившись как следует присмотреться друг к другу», а через несколько месяцев без особой шумихи сыграли свадьбу в силу причин, далеких от романтических: она увеличивала шансы Олега на повышение по службе, а он становился ее паспортом для выезда из Москвы. Это была кагэбэшная разновидность брака по расчету, хотя ни Олег, ни Елена не признавались в этом друг другу.

В конце 1965 года произошел тот перелом, которого так ждал Гордиевский. Освободилось место куратора, руководившего нелегалами в Дании. Прикрытием для разведывательной работы служила должность консульского сотрудника, занимавшегося визами и наследственными делами; на самом же деле Олегу предстояло работать на линию «Н» (от слова «нелегалы»), отвечавшую за оперативную деятельность Управления «С».

Гордиевскому предложили управлять сетью подпольных шпионов в Дании. Он принял это предложение с готовностью и восторгом. Как заметил Ким Филби после того, как его завербовал НКВД в 1933 году: «Я не колебался. Когда тебя зовут в элитную группу, сомнений не возникает»⁷.

⁷ Я не колебался: PHILBY K. *My Silent War*.

Глава 2

Дядюшка Гормссон

8

Олег и Елена Гордиевские приземлились в Копенгагене в солнечный и морозный день в январе 1966 года – и очутились в сказке.

Один сотрудник МИ-6 позднее заметил: «Если бы понадобилось выбрать город, который наглядно продемонстрировал бы преимущества западной демократии над русским коммунизмом, то лучше других для этой цели подошел бы Копенгаген».

Советское посольство занимало три украшенных лепниной особняка на улице Кристианиагаде в северной части города и больше походило на пышный отель с воротами, чем на советский анклав: там были великолепные ухоженные сады, спортивный центр и клуб для общения. Гордиевских поселили в новую квартиру с высокими потолками, дощатыми полами и встроенной кухней. Олегу выдали ключи от «фольксвагена-жука» и аванс наличными на поддержание контактов – 250 фунтов (столько выделялось ежемесячно). Копенгаген оказался очень музыкальным городом: отовсюду звучали Бах, Гендель, Гайдн, Телеман – композиторы, которых Гордиевский не имел возможности слушать в Советской России. Он задумался и, кажется, наконец понял, почему обычным советским гражданам не разрешают ездить за границу: в самом деле, кто еще, кроме прошедших полную подготовку кагэбэшников, устоит против соблазна стольких свобод и задушит в себе желание остаться здесь навсегда?

Из двадцати сотрудников советского посольства лишь шестеро были настоящими дипломатами, а остальные работали на КГБ или на ГРУ (советскую военную разведку). Резидентом был Леонид Зайцев, человек обаятельный и добросовестный, который, похоже, совсем не замечал, что большинство его подчиненных некомпетентны, ленивы или нечисты на руку, а чаще всего наделены всеми тремя пороками. Они тратили гораздо больше энергии на транжирство выданных им денег, чем на настоящую шпионскую деятельность. В широком смысле задача КГБ в Дании заключалась в разработке и ведении местных контактов, в вербовке осведомителей и выявлении возможных агентов. А это, как очень скоро понял Гордиевский, было «приглашением к коррупции», поскольку большинство сотрудников просто выдумывали свои встречи с датчанами, подделывали счета, сочиняли липовые отчеты – и прикармливали регулярно выдаваемые им суммы. По-видимому, в Центре не замечали очевидную несуразность: ведь мало кто из его сотрудников в Копенгагене хорошо говорил по-датски, а некоторые даже двух слов связать не могли.

Гордиевский вознамерился показать, что он не такой, как остальные. Уже хорошо владея шведским, он взялся теперь за датский. По утрам он обрабатывал заявления на получение визы, прилежно выполняя свои обязанности «для прикрытия» в консульстве, а в обед переходил к шпионской деятельности.

Сеть нелегалов-кагэбэшников в Скандинавии была очень неоднородной. Значительная часть работы Гордиевского сводилась к административным мелочам: заложить деньги или записку в тайник, проверить условные сигналы. Еще приходилось поддерживать тайные связи с замаскированными шпионами, причем с большинством из них он ни разу не встречался лично, даже не знал их по именам. Если нелегал оставлял апельсиновую кожуру под условленной скамейкой в парке, это означало: «Я в опасности», а яблочный огрызок означал уже другое: «Завтра я уезжаю из страны». Порой вся эта сложная система потайных знаков доходила до смешного. Например, однажды Олег положил гнутый гвоздь на подоконник общественной уборной,

⁸ Воспоминания Любимова взяты из его книг «Записки непутевого резидента» и «Шпионы, которых я люблю и ненавижу»; о деятельности Василия Гордиевского в Чехословакии см. Andrew C., Mitrokhin V. The Mitrokhin Archive.

чтобы дать знать нелегалу, что тот может забрать деньги в заранее условленном тайнике. Ответным сигналом от подпольного агента, означавшим, что он получил сообщение, должна была стать крышка от пивной бутылки, оставленная ровно в том же месте. Придя туда снова, Олег увидел крышку от банки имбирного пива. И задумался: а означает ли имбирное пиво на языке шпионских сигналов то же самое, что обычное пиво? Или это следует понимать иначе? Весь вечер Олег бурно обсуждал этот вопрос с коллегами в резидентуре и в итоге пришел к выводу, что для шпиона нет никакой разницы между одной крышкой от пивной бутылки и другой.

В Дании рождения и смерти регистрировались протестантской церковью, и все записи делались от руки в больших конторских книгах. Заручившись помощью искусного фальсификатора из Москвы, можно было с нуля сфабриковать сколько угодно новых поддельных личностей, внося изменения в церковные записи. Гордиевский начал разрабатывать контакты со священниками, чтобы получить доступ к регистрационным журналам, и подстраивать ограбления разных церквей. «Тут я стал первопроходцем», – с гордостью отмечал он позднее. В церковных конторских книгах Дании до сих пор сохраняются записи о несуществующих датчанах, которых выдумал Олег Гордиевский.

Тем временем он начал вербовать осведомителей, агентов и подпольных курьеров. «Это – главное, ради чего мы здесь находимся», – сказал ему Зайцев. После нескольких месяцев кропотливой подготовки, действуя под псевдонимом Горнов (это была девичья фамилия матери), Гордиевский уговорил школьного учителя и его жену сделаться «живым почтовым ящиком» для передачи сообщений нелегалам и обратно. Еще он подружился с датским полицейским, но после нескольких встреч перестал понимать: сам он пытается завербовать этого человека или, может быть, все происходит ровно наоборот?

Не прошло и года после приезда Гордиевского в Копенгаген, как вместе с ним начал работать сотрудник КГБ, разительно отличавшийся от остальных коллег. Михаил Петрович Любимов, обладатель зычного голоса, был жизнерадостным и чрезвычайно умным человеком. Родился он на Украине в семье чекиста. Любимов окончил МГИМО четырьмя годами раньше Гордиевского, а потом написал для КГБ диссертацию под названием «Особые черты британского национального характера и их использование в оперативной работе». В 1957 году по заданию КГБ во время Всемирного фестиваля молодежи в Москве он соблазнил молодую американку. Четырьмя годами позже его направили в Британию в должности советского пресс-атташе, и он занялся вербовкой осведомителей в профсоюзах, студенческих объединениях и в британском истеблишменте. По-английски он говорил с сочным аристократическим выговором, уснащал свою речь старомодными англицизмами (вроде «What ho!» и «Pip pip!» – «Вот так так!» и «Пока-пока!») и потому смахивал на какого-то русского Берти Вустера. Любимов пылал любовью ко всему английскому – точнее сказать, ко всему тому, что его привлекало в английской культуре: к виски, сигарам, крикету, мужским клубам, сшитым на заказ твидовым костюмам, бильярду и сплетням. В британской разведке его прозвали Улыбчивым Майком. Британцы были врагами, а он их обожал. В 1965 году он попытался (безуспешно) завербовать британского шифровщика – а служба разведки, в свой черед, тут же попыталась завербовать его. Когда он отклонил предложение шпионить в пользу Британии, его объявили персоной нон грата и выслали обратно в Москву. Последнее обстоятельство, впрочем, нисколько не ослабило его безудержной англомании.

В конце 1966 года Любимова откомандировали в Копенгаген главой линии политической разведки (в кагэбэшной номенклатуре сокращенно – ПР).

Гордиевский немедленно проникся симпатией к Любимову. «В игре важна не победа, а участие», – зычно изрекал Любимов, потчuya младшего коллегу рассказами о своей жизни в Британии, когда они вербовали шпионов и потягивали виски *Glenlivet* в обшитых деревянными панелями клубных комнатах. Любимов сделал Гордиевского своим протеже и впоследствии так высказывался о нем: «Гордиевский импонировал мне <...> прекрасным знанием истории

«...», он любил Баха и Гайдна «...», это внушало уважение, особенно на фоне жизни совколонии, завязшей в рыбалках, распродажах и тусклом накопительстве».

Точно так же, как Любимов влюбился в Британию, Гордиевский попал под чары Дании. Ему нравилось здесь все – люди, парки, музыка. А еще здешняя свобода, в том числе и сексуальная свобода, которую местные граждане воспринимали как нечто естественное. Датчане отличались очень открытым отношением к сексу – прогрессивным даже по тогдашним европейским меркам. Однажды Олег забрел в столичный квартал красных фонарей и, поддавшись импульсивному желанию, зашел в магазин, где продавались порнографические журналы, сексуальные игрушки и прочая эротическая атрибутика. Там он купил три гомосексуальных порножурнала и принес домой, чтобы показать Елене. «Мне было просто интересно. Я понятия не имел, чем вообще занимаются гомосексуалисты». Он положил эти журналы на каминную полку – как бы демонстрируя свободу, немыслимую в Советской России.

«Как человек я расцвел, – писал он. – Здесь было столько красоты, такая живая музыка, такие превосходные школы, простые люди были такими открытыми и веселыми, что, оглядываясь вспять на бескрайний, бесплодный концлагерь Советского Союза, я различал в нем форму ада». Гордиевский начал играть в бадминтон и полюбил эту игру, в которой ему особенно нравились обманные приемы. «Волан, замедляя свой полет в последние несколько секунд, дает игроку шанс пустить в ход сообразительность и в последний момент изменить тактику». Именно эта перемена тактики в последний момент стала приемом, который со временем он доведет до совершенства. Гордиевский посещал концерты классической музыки и зачитывался библиотечными книгами, а еще он объездил все уголки Дании – иногда при выполнении шпионских заданий, но чаще всего просто ради удовольствия, раз уж была такая возможность.

Впервые в жизни у Гордиевского появилось ощущение, что за ним никто не следит. Но тут он как раз ошибался.

Служба безопасности и разведки Дании, *Politiets Efterretningstjeneste* (ПЕТ), была крошечная, но работала чрезвычайно эффективно. Ее задачи формулировались так: «предотвращать, расследовать и пресекать операции и деятельность, представляющие угрозу для свободы, демократии и безопасности Дании». У ПЕТ имелись большие подозрения, что именно такую угрозу представляет Олег Гордиевский, и с самого момента прибытия в Копенгаген молодого русского дипломата, большого ценителя классической музыки, за ним установили пристальное наблюдение.

Датчане в плановом порядке следили за сотрудниками советского посольства, но не располагали средствами для круглосуточного надзора. Некоторые телефоны внутри посольства прослушивались. Между тем кагэбэшные техники успешно проникли в радиосети ПЕТ, и пост подслушивания внутри посольства все время перехватывал сообщения, которыми обменивались датские группы наружного наблюдения. Елена Гордиевская работала теперь в КГБ наряду с мужем, и она как раз прослушивала все эти сообщения и переводила их на русский. В результате кагэбэшники часто без труда вычисляли, где именно находятся машины датской разведки, и знали, в какие часы датчане прекращают слежку. Каждому дипломату, в котором подозревали тайного агента КГБ, присваивали кодовое имя. Гордиевского в радиосообщениях ПЕТ называли Дядюшкой Гормссоном (это была аллюзия на короля Харальда Синезубого Гормссона, правившего Данией в X веке).

В датской службе госбезопасности почти не сомневались, что Гордиевский (он же Горнов, он же Гвардейцев, он же Дядюшка Гормссон) – сотрудник КГБ и его дипломатическая работа – просто прикрытие.

Однажды Олега и Елену пригласили поужинать их датские друзья – полицейский и его жена. Пока они были в гостях, ПЕТ проникла в их квартиру и установила подслушивающие устройства. Гордиевский отнесся с некоторым подозрением к приглашению датской четы и потому, хорошо помня все уроки школы № тот, прибег к маленькой предосторожности: перед

уходом вмазал капельку клея между дверью прихожей и дверной рамой. После возвращения со званого ужина он увидел, что невидимая клеевая печать взломана. с того дня Гордиевский знал, что вести дома разговоры следует очень осторожно.

Взаимная слежка велась довольно хаотично и халатно – причем с обеих сторон. Сотрудники КГБ, поднаторевшие в методах «проверки», часто исчезали с датского радара. Но не менее часто Гордиевский и его коллеги самонадеянно полагали, что оторвались от погони и «очистились», но очень ошибались.

Или ПЕТ просто вела наблюдение за копенгагенским кварталом красных фонарей, или датчане прицельно шли по пятам Гордиевского – так или иначе, его засекли в тот момент, когда он вошел в секс-шоп и купил там порножурналы для гомосексуалов. Женатый сотрудник советской разведки, обнаруживший интерес к гей-порно, делается уязвимым, потому что человека с подобными секретами легко шантажировать. Датские спецслужбы аккуратно сделали у себя соответствующую запись и передали раздобытую ценную крупницу информации своим избранным союзникам. Впервые в архивах западной разведки рядом с фамилией Гордиевского появился вопросительный знак.

Олег Гордиевский мало-помалу становился самым полезным сотрудником КГБ. Любимов писал, что Гордиевский, безусловно, выделялся среди коллег своим блестящим образованием, жадой знаний, любовью к чтению и тем, что, как Ленин, посещал публичные библиотеки.

Единственной тучкой на горизонте был его брак, который, казалось, увядал с той же быстротой, с какой расцветала его внутренняя культурная жизнь. Отношения, начавшиеся без особого пыла, делались все более прохладными. Олег хотел детей, Елена была категорически против. Через год после приезда в Данию Елена призналась мужу, что перед отъездом из Москвы она, не посоветовавшись с ним, сделала аборт. Гордиевский почувствовал себя обманутым и очень разозлился. Сам он, превратившись в мощный сгусток энергии, поражался тому, что молодая жена остается до странного пассивной и безучастной к окружающим их новым зрелищам и звукам. Ему начинало казаться, что они поженились «скорее по расчету, чем по любви», и «ощущение пустоты» внутри него неуклонно возрастало. Гордиевский говорил, что всегда относился к женщинам «уважительно». В действительности он, как и многие советские мужчины, придерживался старомодных взглядов на брак и считал само собой разумеющимся, что жена будет безропотно заниматься готовкой и уборкой. Елена же, опытный кагэбэшник переводчик, заявляла, что «женщина может найти себе занятия поинтереснее, чем домашнее хозяйство». Олег, пожалуй, легко поддавался многим новым веяниям в западном обществе, но терпимость его заканчивалась там, где начиналось движение за женское освобождение. Еленин «бунт против домашнего хозяйства» (как он это называл) вызывал в нем все большее раздражение. Он пошел на кулинарные курсы – в надежде, что Елене станет стыдно и она сама возьмется за готовку. Но или она не обратила на это внимания, или ей было все равно. Ее меткие колкости, когда-то казавшиеся очень остроумными, теперь лишь бесили его. Ощущая свою правоту, Гордиевский становился упрямым и несговорчивым. Чтобы унять раздражение, он каждый день часами бегал в одиночку по паркам Копенгагена и возвращался домой таким уставшим, что сил на ссоры просто не оставалось.

Пока его семейная жизнь давала легкие трещины, внутри советского лагеря происходили сейсмические потрясения.

В январе 1968 года первый секретарь чехословацкой компартии, Александр Дубчек, затеял в своей стране либеральные реформы. Он решил ослабить советскую узду – дать гражданам свободу передвижения и свободу слова и отменить цензуру. Провозглашенный Дубчком «социализм с человеческим лицом» означал ограничение полномочий тайной полиции, улучшение отношений с Западом и, наконец, проведение свободных выборов.

Гордиевский следил за этими событиями с нарастающим волнением. Если Чехословакии удастся ослабить московскую удавку, ее примеру могут последовать и другие советские сателлиты. Внутри копенгагенской кагэбэшной резидентуры мнения о важности чешских реформ резко разделились. Одни говорили, что Москва в итоге пойдет на военное вмешательство, как это произошло в 1956 году в Венгрии. Другие – и в их числе Гордиевский и Любимов – были убеждены, что чешская революция одержит верх. «Мы с Олегом были уверены, что советские танки не войдут в Прагу, – писал потом Любимов. – Мы поспорили на целый ящик „Туборга“». Даже Елена, обычно равнодушная к политике, наблюдала за происходившим как завороженная. «В реформах, проводимых Дубчеком, мы... видели пролог к либерализации и советской системы», – писал Гордиевский.

Между тем московский Центр увидел в чешском эксперименте угрозу для самого существования соцлагеря и коммунистической идеологии. КГБ испугался, что чехи изменяют расклад сил и Москва проиграет холодную войну. К чешской границе начали стягиваться советские войска. А КГБ решил не дожидаться сигнала от Кремля и начал бороться против чешской «контрреволюции» при помощи собственной небольшой армии шпионов. Одним из солдат этой армии был Василий Гордиевский.

Пока один брат с нарастающим воодушевлением наблюдал за расцветом Пражской весны, второй брат получил задание: задушить ее в зародыше.

В начале 1968 года по распоряжению председателя КГБ Юрия Андропова в Чехословакию проникло более тридцати шпионов-нелегалов – с тем, чтобы подорвать изнутри чешское реформаторское движение, просочиться в «реакционные» интеллектуальные круги и похитить видных сторонников Пражской весны. Большинство этих агентов КГБ въехали в страну под видом западных туристов, так как считалось, что чешские «агитаторы» будут гораздо охотнее рассказывать о своих планах явно симпатизирующим им иностранцам. В числе мишеней шпионского саботажа оказались интеллектуалы, ученые, журналисты, студенты и писатели, в том числе Милан Кундера и Вацлав Гавел. Это была самая масштабная разведывательная операция, какую КГБ когда-либо разворачивал против стран Варшавского договора, союзниц СССР.

Василий Гордиевский въехал в Чехословакию по поддельному западногерманскому паспорту под именем некоего Громова. Старший из братьев Гордиевских уже доказал КГБ, что умеет ловко совершать похищения. В Швеции несколько лет работал нелегалом Юрий Ушаков, составлявший секретную карту страны и создававший сеть субагентов на случай возможного советского вторжения. Но в 1968 году в Центре заключили, что у этого разведчика, имевшего кодовое имя Фауст, развилась мания преследования и его следовало убрать. В апреле 1968 года Василий Гордиевский напичкал Ушакова снотворным и затем успешно вывез его через Финляндию в Москву, где затем несчастного поместили в психиатрическую лечебницу, а через некоторое время выпустили и уволили из КГБ. Василия наградили медалью КГБ «За безупречную службу».

Примерно месяц спустя ему и еще одному коллеге дали задание: похитить двух видных деятелей эмиграции, участников чешского реформаторского движения Вацлава Черного и Яна Прохазку. Профессора Черного, выдающегося историка литературы, коммунистический режим выгнал из Карлова университета за выступления в защиту свободы в научной работе. Прохазка, писатель и кинодеятель, публично высказывался против официальной цензуры и требовал «свободы выражения мнений». Оба жили в Западной Германии. В КГБ были убеждены (ошибочно), что эти двое возглавляют «незаконную антиправительственную» группу, цель которой – «подорвать основы социализма в Чехословакии», и потому постановили их устранить. План был простой: Василий Гордиевский подружится с Черным и Прохазкой и убедит их в том, что им грозит страшная опасность – их собираются убить подосланные советские ликвидаторы. А потом предложит спрятать их во «временном укрытии». Если они откажутся явиться туда добровольно, придется обработать их «специальными веществами», а затем

передать особистам КГБ и перевезти через границу в ГДР в багажнике автомобиля с дипломатическими номерами (согласно дипломатическим договоренностям, такие машины обычно не подвергались досмотрам). Но этот план не сработал. Невзирая на уговоры Гордиевского, Черный не поверил в то, что «ему угрожает опасность больше обычной», а Прохазку повсюду сопровождал телохранитель, и сам он говорил только по-чешски, а Василий чешского не знал. Потратив две недели впустую, Гордиевский отказался от дальнейших попыток: стало ясно, что в эту западную чешских диссидентов не заманить.

Тогда Василий Гордиевский, он же Громов, пересек границу Чехословакии и примкнул там к маленькой высококвалифицированной группе советских нелегалов и саботажников, замаскированных под туристов. Им было поручено устроить ряд «провокаций», чтобы создать ложное впечатление, будто в Чехословакии исподволь готовится кровавая контрреволюция. Они распространяли фальшивые сведения, указывавшие на то, что чешские «правые» при поддержке западной разведки замышляют насильственный переворот. Они фабриковали подстрекательские плакаты, призывавшие свергнуть коммунистический режим, и создавали тайные склады оружия (с наглядными маркировками – «Made in the USA»), которые затем как бы случайно «обнаруживали» и предъявляли как доказательства грядущего восстания. Советские власти заявляли даже, будто раскрыли «тайный американский план» сместить коммунистическое правительство и посадить на его место марионеток империализма.

Василий Гордиевский действовал на передовой, помогая КГБ всячески порочить и подрывать Пражскую весну: как и отец, он никогда не сомневался в праведности дела, которому служил.

Олег понятия не имел о том, что его брат находится в Чехословакии, не говоря уж о махинациях, в которых тот участвовал. Братья вообще не говорили об этом – ни тогда, ни потом. Василий хранил свои тайны, а Олег – все старательнее – свои. Когда весна уже перешла в лето, а очертания новой Чехословакии вырисовывались все четче, Гордиевский продолжал считать, что Москва не пойдет на силовой сценарий. «Они не введут войска, – уверял он. – Не посмеют».

В ночь на 20 августа 1968 года границы Чехословакии перешли 2 тысячи танков и больше 200 тысяч солдат – в основном советских, но с привлечением контингентов из других стран Варшавского договора. Надежды победить в схватке с советской сокрушительной машиной не было никакой, и Дубчек призвал народ не оказывать сопротивления. Утром Чехословакия проснулась оккупированной страной. Советский Союз наглядно продемонстрировал брежневскую доктрину: любую страну Варшавского договора, которая попытается отступить от «правильной» коммунистической идеологии или реформировать ее, следует силой вернуть на путь истинный. Пражская весна закончилась, началась новая советская зима.

Олег Гордиевский был вне себя от ужаса и гадливости. Когда у советского посольства в Копенгагене собрались возмущенные датчане, чтобы публично выразить протест против вторжения, он ощутил мучительный стыд. Видеть собственными глазами строительство Берлинской стены тоже было весьма неприятно, но военное вторжение в Чехословакию стало для Гордиевского еще более вопиющим обличением истинной природы того режима, которому он служил. Охлаждение к коммунистическому строю очень быстро переросло в отвращение: «Когда военная машина Страны Советов раздавила зачатки демократических реформ в Чехословакии, я возненавидел ее всеми фибрами души».

Из телефонной будки, стоявшей в холле посольства, Гордиевский позвонил домой Елене и, захлебываясь возмущенной бранью, принялся костерить советскую власть за подавление Пражской весны. «Они все-таки решились на это! Уму непостижимо». Он едва сдерживал слезы. «У меня болела душа», – вспоминал он позднее. Однако действия его оставались вполне разумными.

Гордиевский таким образом посылал сигнал. Он знал, что посольский телефон прослушивается датскими спецслужбами. Кроме того, ПЕТ прослушивала и его домашний телефон. Датская разведка наверняка обратила бы внимание на эту явную антисоветчину в его разговоре с женой и поняла бы, что Дядюшка Гормссон – не такой уж безотказный винтик в механизме КГБ, каким он представляется. Конечно, тот телефонный звонок нельзя было назвать откровенным подступом к другой стороне. Скорее это был намек, эмоциональная «моментальная передача», попытка известить о своих чувствах датчан, а заодно и их союзников в западной разведке. Как написал позднее сам Гордиевский, это был «первый преднамеренный сигнал Западу».

Запад этот сигнал проморгал. Гордиевский сделал первый шаг, но никто не обратил на него внимания. В огромном потоке материалов, перехватывавшихся и обрабатывавшихся датскими спецслужбами, этот маленький, но значительный жест так и остался незамеченным.

Как только немного утихли мрачные новости из Чехословакии, мысли Гордиевского обратились к Станде Каплану, его чистосердечному институтскому другу. Что, интересно, чувствовал Станда сейчас, когда в его страну въехали советские танки?

Каплан был вне себя от ярости. После возвращения из СССР он работал в Министерстве внутренних дел в Праге, а потом поступил на службу в чешские органы госбезопасности – *StB*. Старательно утаивая свои диссидентские взгляды, Каплан с тоской и тревогой наблюдал за событиями 1968 года, но молчал. Подавление Пражской весны вызвало волну массовой эмиграции – после советского вторжения из Чехословакии уехало около 300 тысяч человек. Каплан начал собирать секретные сведения и тоже приготовился покинуть родину.

Когда из Москвы пришла телеграмма – «Прекратить оперативную деятельность, заняться анализом накопленных данных, никаких активных действий», – стало понятно, что пребывание Гордиевского в Дании приближается к концу. В московском Центре заключили, что датчане проявляют нездоровый интерес к товарищу Гордиевскому и, вероятно, уже сделали вывод, что он работает на КГБ. Судя по данным радиоперехвата, с момента прибытия в страну за ним следили в среднем через день – то есть чаще, чем за любым другим сотрудником советского посольства. В Москве не желали напрашиваться на дипломатические неприятности, поэтому в последние месяцы работы в Копенгагене Гордиевского усадили за написание книги о Дании – справочника для КГБ.

И карьера, и совесть Гордиевского оказались на перепутье. В нем продолжал тихо кипеть гнев, вызванный событиями в Чехословакии, но принять сколько-нибудь определенное решение он еще не мог. Просто уйти из КГБ было немыслимо (и, наверное, невозможно), но он подумывал о том, не лучше ли оставить возню с нелегалами и перейти к Любимову в отдел политической разведки: эта работа казалась ему гораздо более интересной, да и менее отталкивающей.

Гордиевский топтался на месте – и в профессиональной, и в личной жизни: он выполнял служебные обязанности, препирался с Еленой, вынашивал в душе неприязнь к коммунизму и жадно впитывал западную культуру. Однажды в гостях у одного западногерманского дипломата он разговорился с молодым датчанином, который оказался очень дружелюбным и явно был навеселе. Похоже, датчанин хорошо разбирался в классической музыке. Он предложил отправиться в бар. Гордиевский вежливо отказался, сославшись на то, что ему пора домой.

Этот молодой человек был агентом датских спецслужб. И разговор о музыке был просто пробным маневром – попыткой гомосексуальной провокации. Датчане, запомнив, что Олег проявил интерес к гей-порно, решили устроить ему «сладкую ловушку». Это был один из самых старых, самых грубых и самых действенных приемов шпионажа. В ПЕТ так и не поняли, почему он не сработал. Быть может, хорошо обученный кагэбэшник не заметил, что его пытались соблазнить? Или сладкая приманка оказалась не в его вкусе? Все было гораздо проще. Гордиевский не был геем. Он вообще не понял, что его убалтывают.

Если забыть о шпионских романах и фильмах, то в разведке редко все идет четко по плану. После подавления Пражской весны Гордиевский подал завуалированный сигнал западной разведке – но та его не заметила. Датские спецслужбы, оттолкнувшись от ложного допущения, попытались заманить Гордиевского в западню – и попали пальцем в небо. Обе стороны сделали первый шаг – как оказалось, в пустоту. А теперь Гордиевский возвращался домой.

В Советском Союзе, куда он вернулся в январе 1970 года, все казалось еще более репрессивным, параноидальным и унылым, чем до отъезда, тремя годами раньше. Коммунистическая идеология брежневской поры словно обесцвечивала все вокруг, душила любые фантазии. Гордиевский ужаснулся при виде своей родины: «Каким убогим все казалось!» Очереди, грязь, удушливый бюрократизм, страх и коррупция – все это резко контрастировало с яркостью и изобилием Дании. Здесь повсюду царила пропаганда, чиновники то пресмыкались, то хамили, и все за всеми шпионили. Москва вся пропахла вареной капустой и засорившейся канализацией. Ничего толком не работало. Никто не улыбался. Малейшие контакты с иностранцами мгновенно вызвали подозрения. Но больше всего Гордиевского терзала здешняя музыка – патриотическая баланда, лившаяся из громкоговорителей чуть ли не на каждом углу, сочиненная по коммунистическим шаблонам, слащавая, бравурная и неизбывная, напоминавшая о Сталине. Гордиевский каждый день ощущал, как его повсюду преследует эта «тоталитарная какофония».

Его снова направили в Управление «С», а Елена получила работу в Двенадцатом отделе КГБ, отвечавшем за подслушивание иностранных дипломатов. Ее определили в подразделение, занимавшееся прослушкой скандинавских посольств и дипломатических сотрудников, и повысили до звания лейтенанта. От брака Гордиевских остались практически одни «деловые отношения», хотя и о рабочих делах они никогда не говорили, да и вообще им больше почти не о чем было говорить в их общей мрачной квартире на востоке Москвы.

Следующие два года оказались, по словам Олега, «промежуточным, незначительным периодом». Хотя он получил повышение – и в должности, и в окладе, – он, по сути, вернулся к прежней работе, опостылевшей ему еще три года назад: готовил фальшивые документы для нелегалов. Гордиевский подал заявку, чтобы поступить на курсы английского, – в надежде, что когда-нибудь его отправят в США, Британию или в страны Содружества, – однако ему открыто сказали, что в этом нет смысла, поскольку датчане явно опознали в нем кагэбэшника, а значит, вряд ли его снова когда-нибудь пошлют в западную страну. Вот в Марокко – может быть. Тогда Гордиевский засел за французский, но без особого рвения. Он мучился от острой культурной ломки, тосковал от беспросветной московской серости. Утратив покой и способность радоваться, он все больше изнывал от одиночества и безысходности.

Весной 1970 года молодой сотрудник британской разведки листал одно личное дело, недавно привезенное из Канады. Джеффри Гаскотт был худощав, носил очки, знал много языков, отличался высоким интеллектом и чрезвычайным упрямством. Он напоминал больше Джорджа Смайли, чем Джеймса Бонда, и уже смахивал на добродушного университетского наставника. Но никогда еще внешность не была так обманчива. По словам одного коллеги, Гаскотт «в одиночку навредил советской разведке, пожалуй, гораздо больше, чем кто-либо за всю ее историю».

В отличие от большинства сотрудников МИ-6, Гаскотт происходил из рабочего класса: он был сыном печатника, бросившего школу в четырнадцать лет, и рос в южно-восточном Лондоне. Он выиграл стипендию от Даличского колледжа, а потом изучал русский и чешский языки в Кембридже. Окончив университет в 1961 году, он неожиданно получил письмо с приглашением явиться на одну встречу в Лондон. Там он познакомился с жизнерадостным ветераном британской разведки, который рассказал ему о своей шпионской деятельности во Вьетнаме и Мадриде. «Меня очень тянуло к путешествиям, и я подумал, что это – как раз то, что

мне надо», – вспоминал потом Гаскотт. В возрасте двадцати четырех лет он начал работать в британской внешней разведке, которая сама себя называла Секретной разведывательной службой, сокращенно СРС, хотя все остальные называли ее МИ-6.

В 1965 году Гаскотта отправили в Чехословакию – там как раз набирало силу движение за реформы. В течение трех лет он курировал шпиона под кодовым именем Фрид, сотрудника чешских спецслужб, а в 1968 году, когда полным ходом началась Пражская весна, вернулся в Лондон и стал отвечать за вербовку чешских чиновников в самой Чехословакии и за ее пределами. Советское вторжение заставило чешский отдел британской разведки резко убыстрить темп. «Нужно было хвататься за все возможности, какие подворачивались».

Папка с кодовым именем Даничек, лежавшая на столе у Гаскотта, касалась недавнего дезертирства младшего сотрудника чешской разведслужбы, чье настоящее имя было Станислав Каплан.

Вскоре после Пражской весны Каплан поехал в отпуск в Болгарию. Там он исчез, а потом объявился во Франции и официально сообщил французским спецслужбам о своем отступничестве. Каплан пояснил, что хотел бы перебраться в Канаду. Канадские спецслужбы поддерживали тесные связи с МИ-6, и опросить перебежчика отправили сотрудника разведки из Лондона. Канадцы, конечно, проинформировали о дезертирстве Каплана ЦРУ. Молодой чешский разведчик выражал готовность к сотрудничеству. К тому времени, когда папка с его делом легла на стол Гаскотта, досье, собранное на Даничека, составляло уже довольно пухлый том.

Каплана характеризовали как умного и прямолинейного человека, «любителя бега по пересеченной местности и противоположного пола». Он сообщил ценные подробности о «кухне» чешской разведки и рассказал о своих студенческих годах в Москве. Перебежчиков обычно просили назвать людей, которые, по их мнению, могли бы представлять интерес для западной разведки. В папке Каплана лежал список из приблизительно сотни имен, в основном чехов. Однако пятеро из названных Капланом людей были русскими, и один из них стоял особняком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.